



ЕВГЕНИЙ Леонов — актер популярный, актер любимый. Вот тут-то и начинаются сложности. Потому что актеров любят по-разному. Бывает так: на сцену выходит любимый актер, и мы улыбаемся про себя и начинаем ждать какого-то эпизода, какого-то момента, когда он станет таким, каким мы его любим. Или после спектакля понимаем, как интересно и значительно было то, что мы увидели.

С Леоновым все и проще, и сложнее. Проще — потому что, когда он выходит на сцену, все ясно сразу, весь он тут, как на ладони, с его обаянием и мастерством. И ничего не надо ждать: все, что нам положено, все, что он может дать, мы уже получили. Леонов ничего не скрывает, ничего не припрятывает до поры до времени.

Сложнее — потому что зритель нынче, как известно, требователен. Он по-прежнему очень ценит в актере такие качества, как изобретательность, юмор и непосредственность, — качества, которыми Леонов обладает в избытке. Но ему теперь нужна еще и цель, для достижения которой служат эти качества, причем цель эта должна быть соразмерной таланту, чтобы не получилось стрельбы из пушек по воробьям. И если нам не удалось ее обнаружить или если она оказалась незначительной, появляется разочарование.

С Леоновым бывало по-всякому — его роли и радовали, и разочаровывали (можно, конечно, перечислить всевозможные «объективные причины» его неудач и полудач, но не стоит этим заниматься, ибо, кроме «объективных причин», есть личная ответственность актера). Но даже в неудачных ролях было понятно, за что любят этого актера. И тут надо попытаться расшифровать такие привычные и порядком затертые слова, как естественность и органичность. Этими словами часто определяют его талант, но они же произносятся в разговоре о других актерах, совсем непохожих на Леонова.

Леоновская органичность — яв-

ление редкое и удивительное, ибо проявляется она в характерах необычных и эксцентрических. Среди его героев немало странных людей, людей с «чуждинкой», и он играет их так, что странности становятся не только понятными нам, но и симпатичными; это органичность обыкновенного чуда. Раньше для таких актеров существовало точное название амплуа — простак. Но к персонажам, которых играли простаки, отношение было юмористическим и снисходительным. А героев Леонова любят — в этом разница.

Эта любовь началась давно — с Лариосика, которого Леонов сыграл в «Днях Турбинных». Вот тогда-то он вышел на сцену, и с этого все и началось. Лариосик пытался быть торжественным, но был только добрым и неуклюжим, он попадал во всевозможные глупые и смешные положения, неправдоподобные, нарочитые, но мы не видели за этим ни актерского расчета, ни режиссерского подсказа, потому что неправдоподобность леоновского Лариосика была абсолютно естественной: такой человек в таких обстоятельствах мог быть только таким и никаким другим.

Потом были другие роли, много ролей. О некоторых писали, о других нет... Писали и о том, что Леонов повторяет себя. А перед актерами всегда встают новые задачи, им предъявляются новые требования. Особенно сегодня в Театре имени Станиславского. И при всем этом надо остаться собой. Удастся ли это Леонову?

В «Трехгрошовой опере» ему пришлось отказаться от доброты —

казалось бы, обязательного качества его героев. Он это сделал. Пичем, владелец фирмы «Друг нищего», был неприятным, злым и колючим. «Я прав, кто возразить бы мог? Зол человек и мир убог» — у леоновского Пичема эти слова звучат с полной убежденностью и с полной верой в нормальность того, что мир убог, а человек зол. Пичем не критикует, он констатирует факт. Пичем приспособился к этому миру, он отлично знает все его ходы и выходы, умело расправляется с Макхитом и, придя полюбоваться на его казнь, соблюдает все приличия.

Леонову в этой роли не хватило только одного — собственного отношения к своему герою, который, как рыба в воде, чувствует себя в этом мире и, значит, сам способствует тому, чтобы он оставался таким, как есть. Речь идет о социальной остроте образа, но она висит от социальной остроты спектакля, а «Трехгрошовой опере», по моему мнению, ее-то и не доставало...

Безымянный часовой, которого Леонов сыграл в «Шестом июля», тоже неотделим от спектакля. Кургузый и смешной солдатик в об-

мотках испуганно, но решительно преграждает путь вождю левых эсеров Марии Спиридоновой. Его испуг смешон, но понятен: мы только что видели, что Спиридонова пользуется немалой популярностью, а он не выпускает ее из зала. Но за решительностью этого солдатика встает напряженность исторического момента — неизвестно еще, что произошло бы, сколько крови пролилось, если бы он не выполнил своего долга, не задержал бы ее. Леонов остается собой, он играет комическую сторону исторического момента, но играет так, что чувствуется и все остальное. Поэтому короткий эпизод не превращается в юмористическую «разрядку» посреди сурового и лапидарного спектакля, он — о том же, что и весь спектакль, только с другой точки зрения: юмор и органичность Леонова в этом эпизоде — средства достижения цели.

А сейчас новая роль Леонова открыла нам его новые возможности. В пьесе Леонида Зорина «Энциклопедисты» он играет композитора Куманькова, и это, пожалуй, лучшая актерская работа спектакля. В жанре сатирической комедии он оказался удивительно на месте. Ос-

тались леоновская органичность и леоновское умение сделать странное и необычное понятным, прибавилось ясное и четкое отношение к образу, которым пронизана вся роль.

Леоид Зорин создал характер заостренный и преувеличенный, в духе сатирической комедии. Композитор Куманьков — вовсе не композитор, он невежда, бездарность и завистник. (И друзья у него такие же — исследователь, который не исследователь, и скульптор, который не скульптор). Он «сочиняет» музыку для грешков и губных гармошек и мечтает стать членом Союза композиторов. Леонов делает его очень смешным и внешне безобидным — комичный человечек в идиотских узеньких брючках с благодушным и просветленным лицом, он кажется даже добрым.

Кушакова и Колпакова, его друзья, мы разгадываем сразу же, а ему даже посочувствовать готовы: такой он тихий, и так умиленно плачет от собственной музыки, и всех успокаивает, и всех хочет помирить. Актер нашел ход тонкий и сложный. Понимая, что сочувствие к персонажу невозможно, он стремится возбудить в нас хотя бы снисходительную жалость к этому смешному и неумному человеку.

Жалость нужна актеру для того, чтобы потом показать, что Куманьков жалости не достоин и чтобы мы не попадались на удочку таких вот добрячков-дурачков. Поворот комедийного сюжета — и Куманьков — у кормила, вернее, у кормушки. Он уже принят в Союз композиторов, он влиятельное лицо. Он продолжает изображать добрячка, но теперь-то мы видим, что от него можно ждать всяких пакостей — мелких, потому что сам он мелок. И жену приятеля начнет соблазнять, и балбеса-племянника пристроит — и все это с той же благостойной улыбкой. Очень уместна здесь мягкость актерской манеры Леонова — он вроде бы и не обличает своего героя, вроде бы только посмеивается над ним, но эта усмешка очень наглядно говорит о человеческом убожестве Куманькова; его необязательно обличать, его нужно просто показать (разумеется, с соответствующим отношением), что актер и делает.

Вероятно, сатирическая комедия — это жанр, нужный Леонову (и самому жанру Леонов тоже нужен).

Ю. СЕРГЕЕВ.

НА СНИМКАХ: заслуженный артист РСФСР **ЕВГЕНИЙ ЛЕОНОВ** в ролях: Пичема — «Трехгрошовой опере», Солдата — «Шестое июля», Кристи — «Ученик дьявола» и Куманькова — «Энциклопедисты».

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

АКТЕР И ЕГО РОЛИ

278